

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НАКАНУНЕ ПОДПИСАНИЯ ПАКТА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Гавриловец Л.В. (г. Мозырь, Беларусь)

Сближение Третьего Рейха и Советского Союза, которое еще зимой 1938/1939 года казалось международным наблюдателям немислимим, тем не менее осуществлялось в рамках проводимой международной политики, которая возникла как дипломатическое примирение на руинах так называемой «мюнхенской системы». Первый этап европейской политики Германии начался с того, что польское правительство отказалось удовлетворить какие-либо требования Германии, а именно 21 марта 1939 г. Риббентроп предъявил польскому послу требования германской стороны передачи ей Гданьска и экстерриториальных магистралей и железной дороги в «польском коридоре». В марте этого же года последовало заявление с британской стороны о предоставлении гарантий для Польши. Тем более что Германии удалось добиться приобретения нового опорного пункта на Балтийском побережье в непосредственной близости и угрожающем соседстве с Польшей. Второй этап – это период с мая по июль 1939 г., когда одновременно западные державы и германская дипломатия заявили о своем благоприятном отношении к СССР. Третий и можно сказать последний этап в двусторонних отношениях – август 1939 г., когда Адольф Гитлер взял на себя инициативу провести решительные переговоры по вопросу, затрагивающим стратегические интересы Третьего рейха и СССР, в том числе вопрос о роли и месте Польши в нацистской концепции организации нового порядка в Европе.

26 января 1934 г. в Берлине была подписана польско-германская декларация о неприменении силы. Декларацию подписали министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрати польский посол в Берлине Юзеф Липский. Документ был подписан по инициативе А. Гитлера и Ю. Пилсудского и известен также как пакт Пилсудско-Гитлера, который способствовал временной нормализации отношений между двумя государствами. Для Польши заключение данного договора с Германией казалось в целом, благотворным, тем более что это стало величайшим достижением польской дипломатии с момента подписания Версальского договора, заключения союза с Францией (февраль 1921 г.) и Рижского договора с Советской Россией (март 1921 г.). Соглашение о ненападении укрепило безопасность Польши и подтвердило ее статус-кво, но не затронуло вопрос о границах [3, s. 325].

Для А. Гитлера, который навязал германскому народу соглашение с Польшей явно против его стремлений – взаимоотношения с польским государством были лишь отправной точкой для реализации более широких планов германского руководства. Все указывало на то, что германское руководство во главе с Гитлером заключило данное соглашение по тактическим причинам и прежде всего для нейтрализации Польши, которой из всех стран Центральной и Восточной Европы наиболее угрожала Германия, и по этой причине она была заинтересована в проведении идеи «превентивной войны» против Германии.

В 1934–1938 гг. в связи с нормализацией польско-германских взаимоотношений руководство Германии приходит к убеждению, что Польша может быть полезным партнером, тесное сотрудничество с которым необходимо развивать и дальше. Географическое расположение Польши в планах германской дипломатии предопределило ее на роль «восточного барьера» во время войны в Европе, предусматривающего защитить Германию от возможного вмешательства Советского Союза, если последняя будет вовлечена в вооруженный конфликт на западе. Однако такая роль не устраивала польское руководство. А. Гитлер не мог понять, почему Польша, которая в 1920 г. пыталась ослабить и сломить большевиков, на рубеже 1938 и 1939 гг. не хотела возвращаться к антисоветской политике, тем более что Германия предложила ей свою поддержку. Германское руководство не понимало сущности польской «политики баланса» [2, s. 44].

В 1937 г. были реальными шансы на нормализацию польско-германских отношений и их дальнейшее развитие, но Германии следовало признать тот факт, что польское государство не эфемерно, что это нация со своим историческим прошлым, которая имеет право на жизнь. Только на этой платформе можно было обеспечить в Европе спокойное и светлое будущее. Многочисленные высказывания Гитлера в период с мая 1933 г. по январь 1939 г. создали у польских политиков впечатление о том, что германское правительство рассматривает польское государство как постоянный фактор в европейской политике и соседа, с которым Германия должна как-то формировать свои отношения. В действительности Польша нужна была Германии для того, чтобы сыграть роль антирусского «барьера», в свою очередь Польше следовало отказаться от политики «маневрирования» между Германией и СССР и принять статус союзника, который строго подчиняется. Польша должна была стать «младшим партнером» среди союзников Германии, и возможно заняла бы даже привилегированное место. Как считали некоторые германские исследователи «пакт с Польшей» в 1934 г. вывел Германию из изоляции и с самого начала Гитлер рассматривал Польшу как возможного союзника в борьбе против Советского Союза [5, s. 45].

Соглашение с Польшей на германских условиях позволило бы Третьему Рейху осуществить первое наступление на западе – против Франции, затем вести войну против Советского Союза во имя завоевания «жизненного пространства». Однако польское правительство не желало занимать обозначенное ей германским руководством место, и хотело проводить независимую «политику баланса» между двумя великими соседями, потому что только она способствовала бы сохранению независимости и политической самостоятельности польского государства в Европе [1, s. 9].

В декабре 1938 г. заместитель министра иностранных дел Польши Ян Сембек отметил, что «политика баланса» становится иллюзией, и как в дальнейшем будут строиться взаимоотношения с Германией не ясно. Тем более, как отмечал Я. Сембек, «сохранять баланс между СССР и Германией становится все труднее» [6, s. 58]. Таким образом, Польша столкнулась с проблемой выбора дальнейшей политики. Несомненно, польскую «политику баланса» Гитлер намеревался терпеть только временно. Осенью 1938 г. Польша занимает ключевую позицию во внешней политике Германии и от ее отношения относительно немецких планов зависели дальнейшие действия Третьего Рейха на международной арене.

24 октября 1938 г. министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп представил польскому послу в Берлине Йозефу Липскому проект «общей договоренности» по спорным вопросам в польско-германских отношениях. Предложения германской стороны, как известно, предусматривали включение свободного города Гданьска в состав Рейха и передачи экстерриториальных автомагистралей и железной дороги от Рейха до Восточной Пруссии через польскую территорию (Померания), а также правительство Германии требовало, чтобы Польша присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Взамен германская сторона предложила заключить сроком на двадцать пять лет Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором обе стороны будут гарантировать неприкосновенность границы, правда с оговоркой о проведении консультаций, т.е. обязательством сторон согласовывать свою международную деятельность.

Принятие предложений Германии сделало бы Польшу зависимым союзником Третьего Рейха, поэтому польское руководство не спешило с ответом. Как известно германская сторона свой проект представила польскому руководству несколько раз с октября 1938 г. по март 1939 г. Окончательно германские предложения были отклонены в марте 1939 г., несмотря на то, что польское правительство высоко оценило нормализацию польско-германских отношений, выстроенных с 1934 года. Риббентроп в ультимативной форме пригрозил польскому послу и отметил, что польскому правительству не следует создавать у Гитлера впечатление, будто Польша отвергает все его предложения. 26 марта польское правительство вручило Германии меморандум, отклонявший ее требования. Передавая меморандум Риббентропу, посол Липский добавил, что, «если Германия в дальнейшем в какой-либо форме будет настаивать на своих планах, в особенности в отношении передачи Гданьска Рейху, это означало бы войну с Польшей» [2, s. 47]. Таким образом, Гитлеру не удалось включить польское государство в германскую систему восточных альянсов.

28 апреля 1939 г. Гитлер заявил с трибуны рейхстага, что Гданьск – немецкий город и что гданьская проблема так или иначе будет решена в пользу Германии. Принятие же Польшей английских гарантий представляет угрозу для Германии, и поэтому она денонсирует германо-польский пакт о ненападении от 26 января 1934 года. Еще 11 апреля 1939 г. А. Гитлер утвердил «директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939/1940 год». 10 мая 1939 г. был подписан дополнительный документ, касающийся экономических целей Германии в предстоящей войне. В нем предписывалось захватывать польские промышленные предприятия «по возможности неразрушенными», быстро овладеть важнейшими промышленными районами – Верхней Силезией и Тешинской областью, имеющими «большое экономическое значение». Очевидно, что война с Польшей рассматривалась Гитлером лишь как ступень к решающей схватке с основными соперниками Германии – Англией и Францией [4, с. 17].

Необходимо отметить, что британское правительство считало лучшей гарантией для Польши удовлетворение германского требования о статусе вольного города Гданьска, правда, с предоставлением гарантий сохранения независимости Польши. Однако для двух стран не было никакой возможности пойти на компромисс, так как Польша не собиралась выполнять требования Германии, а Гитлер идти на какие-либо уступки.

В ходе предварительных секретных переговоров между Германией и СССР были достигнуты договоренности, приведшие к подписанию в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Риббентропом и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым пакта о ненападении. В секретном протоколе к договору разграничивались «сферы интересов» Германии и СССР в Восточной Европе: большая часть Польши за исключением восточных областей становилась немецкой «сферой интересов», соответственно Восточная Польша – «сферой интересов» СССР. Гитлер таким образом пытался избежать опасности ведения войны на два фронта и обеспечить свободу действий Германии в Польше и на Западе.

Неоспоримым является тот факт, что в 1934–1938 гг. основной, хотя, вероятно слабой и недостаточной гарантией статус-кво в Центральной и Восточной Европе были мирные отношения между Польшей и Германией. Однако эти отношения рухнули в марте – апреле 1939 г. Европа оказалась перед лицом неизбежной войны, хотя многие из тогдашних политиков жили иллюзией того, что находящийся под угрозой исчезновения мир может быть спасен путем удовлетворения территориальных претензий Гитлера по примеру мюнхенской модели 1938 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fiedor, K. «Lebensraumideologie» w systemie przygotowań społeczeństwa Trzeciej Rzeszy do wojny / K. Fiedor // Niemcy w polityce międzynarodowej 1919–1939 / Pod red. S. Sierpowskiego. – T. IV Na przełomie pokoju i wojny. – Poznań, 1992. – S. 9–49.
2. Kornat, M. Droga Niemiec do paktu Ribbentrop-Mołotow i sprawy polskie (wydarzenia i interpretacje) / M. Kornat // Pamięć i sprawiedliwość. – 2008. – № 1(12). – S. 41–59.
3. Lapter, K. Pakt Piłsudski-Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 r. / K. Lapter. – Warszawa : Książka i Wiedza 1962. – 329 s.

4. Павлов, Н. В. Внешняя политика третьего рейха (1933–1945) [Электронный ресурс] / Н. В. Павлов // МГИМО. – 2012. – № 1. – Режим доступа: https://mgimo.ru/files/210929/III_reich.pdf. – Дата доступа: 28.06.2019.
5. Wandycz, P. S. Historyczne dylematy polskiej polityki zagranicznej / P. S. Wandycz // Z dziejów dyplomacji. – London : Polonia, 1988. – S. 45–58.
6. Zacharias, M. J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936 / M. J. Zacharias. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. – 300 s.

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1937–1945 ГГ. И КОРЕЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В МАНЬЧЖУРИИ

Гайкин В.А. (г. Владивосток, Россия)

Общепринятая версия о начале 1 сентября 1939 г. глобального конфликта получившего название Вторая мировая война – это отражение европоцентристского взгляда на историю и мировую политику, согласно которого Европа является геополитической доминантой, «первой скрипкой» миросообщества. Если сменить «курс» то можно предположить, что глобальный конфликт начался с масштабных боевых действий на Дальнем Востоке – вторжения в Китай японской армии в июле 1937 г.

Одной из ярких страниц сопротивления японской агрессии была вооружённая борьба в районах Маньчжурии, граничащих с Кореей, в какой то (пусть в малой) степени препятствующая реализации агрессивных планов Японии против СССР. Главными «действующими лицами» здесь были корейские партизаны, поскольку это была территория населённая корейскими иммигрантами (1 млн. чел. на 1937 г.), которые и стали человеческим ресурсом антияпонской борьбы в этом регионе.

В 1936 г. партизанское антияпонское движение в Маньчжоуго вспыхнувшее в 1932 г. было в основном разгромлено. В 1937 г. значимые очаги сопротивления сохранились в основном только в горных и лесных районах Северной Маньчжурии, граничащей с СССР и Юго-Восточной Маньчжурии, возле границы с Кореей – Цзяньдао, Дунбяньдао (Цзяньдао – провинция Маньчжоуго с преимущественно корейским населением, Дунбяньдао – районы Маньчжурии, примыкающие к пограничной с Кореей р. Ялуцзян). Одним из известных партизанских командиров в этом районе был кореец Ким Сонджу, взявший псевдоним Ким Ирсен. Отряд, которым он командовал в разные годы насчитывал от 200 до 500 бойцов.

Для политической работы среди корейского населения Маньчжурии под эгидой компартии Китая в приграничных с Кореей районах в 1936 г. было создано «Общество возрождения отечества» и его отделения в Корее [4, 422]. Из материалов допросов членов «Общества возрождения отечества», арестованных японскими карательными органами, видно, что фактическим руководителем Общества был Ким Ирсен [6, Т. 6, с. 586-648]. Основным районом действий отряда Ким Иршена (численностью около 300 бойцов) был Дунбяньдао [4, 410]. Кроме отряда Ким Иршена, в Дунбяньдао действовали партизанские отряды Цао Яфана, Чэ Хёна (впоследствии министр обороны КНДР), Ан Кучёна, Ван Тэтая, Цао Куана, Ман Суна, Ван Фэнко, У Ичана [8, 1936 №78-93, 1937, №1-26]. Общая численность бойцов партизанских отрядов Дунбяньдао (большинство из которых были корейцами) составляла к сентябрю 1936 г. по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражались 2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек, численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек [9, 6].

Сами по себе рейды партизан в Корею не наносили большого ущерба колониальному режиму. Однако тот факт, что по ту сторону границы существуют корейские партизанские отряды, стимулировал антияпонское сопротивление в Корее. Кроме того, Дунбяньдао предстояло стать «Маньчжурским Руром» – районом, где на базе богатых рудных месторождений японцы планировали создать добывающую и металлургическую промышленность. В результате карательных операций численность партизан в Дунбяньдао уменьшилась к январю 1937 г. по сравнению с сентябрём 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составила 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек [9; 65,66].

Осенью 1937 г. японские жандармы, напав на след «Общества освобождения отечества», провели серию арестов в уезде Чанпай (Маньчжурия) и в пограничных с Китаем районах Кореи. На маньчжурском берегу р. Ялуцзян в ноябре – декабре было схвачено 700 патриотов. В Корее полиция арестовала 166 подпольщиков [6, т.6, с.7]. Осенью 1937 г. японская полиция доложила о прекращении деятельности «Общества возрождения отечества». Трудно было и националистам. «Корейская революционная армия» таяла под ударами карателей. Остатки Армии влились в отряд Ким Иршена в 1938 г. В том же году сдались японцам командующий «Корейской революционной армией» Ким Хвальсок, начальник военного отдела Ким Тухва [3, 77].

По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах Маньчжурии продолжали борьбу 3400 партизан – коммунисты, националисты, крестьянские (беспартийные) отряды. Из них в отрядах компартии сражались 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты – Ян Цзиньюй и Ким Ирсен», уничтожение их – «важнейшая цель карательных операций» [4, 255].